

Су Цзюгуй остановился перед Сяобаем.

Он только что расстался с Чжубаем, и теперь, стоило бросить взгляд на Сяобая, как их силуэты причудливо слились воедино. Один был взрослым мужчиной, другой — лишь подростком, но Су Цзюгу казалось, будто перед ним стоит один и тот же человек.

Чжубай в детстве был точно таким же. На Горе Великой Чистоты у него не водилось друзей: остальные заклинатели сторонились мальчика, и ему приходилось искать забавы в одиночестве.

Он сидел совсем один — крошечный, хрупкий, — а за его спиной тяжело клубилась исполинская, стократно превосходящая его размерами тень. Она корчилась, извивалась и выпускала острые черные иглы, делаясь похожей на чудовищного ежа.

Эта жуткая, пугающая сущность оберегала его, создавая иллюзию присутствия целой незримой рати. Но стоило кому-то приблизиться, как она мгновенно уползала обратно во тьму.

Су Цзюгуй молча застыл перед ним, не произнося ни слова.

От Сяобая исходила жажда убийства. Леденящая душу, свирепая ярость, бушевавшая в нем, мгновенно утихла, стоило ему увидеть Су Цзюгуя. Мальчик послушно спрятал ее, словно убрал опасное оружие в ножны, не оставив и следа прежней угрозы.

— Учитель? — Сяобай вскинул на него взгляд ясных белых глаз — чистых, незамутненных, прекраснее которых не сыскать во всем поднебесном мире.

Су Цзюгуй тихо отозвался, но остался стоять на месте. После встречи с настоящим Чжубаем он смотрел на подростка совершенно иначе.

— Учитель? — на сей раз подал голос Вэнь Ци.

Его слова, точно брошенный в воду камешек, разрушили это странное оцепенение. Су Цзюгуй моргнул, и наваждение рассеялось. Реальность отрезвляла: перед ним стоял вовсе не маленький Чжубай из его воспоминаний. Это был Сяобай.

В отличие от вечно одинокого Чжубая, этот мальчик в Городе между Облаками не был предоставлен самому себе — рядом с ним преданно следовал Вэнь Ци.

— Почему вы ушли? — наконец спросил Су Цзюгуй, окончательно возвращаясь к действительности.

Сяобай стоял так близко, что видел носки сапог Су Цзюгуя. От мужчины исходил знакомый

приятный аромат — едва уловимая смесь лисьего духа и чистой энергии заклинателя. Такого запаха не было больше ни у кого в мире, только у его Учителя. Но сегодня к нему примешалось кое-что еще — тяжелый, властный дух дракона.

Спокойный, размеренный голос Су Цзюгуя мальчик знал наизусть. Учитель никогда не терял самообладания — даже если бы небо рухнуло на землю, он бы лишь слегка нахмурился. Наверное, внезапное исчезновение ученика показалось ему сущей мелочью.

Сяобай молча глядел на него снизу вверх. Между ними повисло натянутое, почти осязаемое молчание — безмолвное противостояние двух существ, пытающихся разгадать мысли друг друга.

Даже простодушный Вэнь Ци почуял неладное. Что с ними стряслось? Совсем недавно они казались крепкой семьей, чью связь не сумел разрушить даже коварный заклинатель призраков. А теперь ведут себя точно чужаки.

Небо над их головами внезапно потемнело. Свинцовые тучи, громоздясь тяжелыми валами, стремительно затягивали горизонт. Надвигалась буря.

Вэнь Ци так и не понял, какая кошка пробежала между Су Цзюгуйем и Сяобаем, но перемена погоды его изрядно удивила. Еще утром на небе не было ни облачка, а теперь оно налилось глухой чернеющей синевой.

— Надо же, — недоумевал юноша, ежась под налетевшим ветром. — Только что ведь солнце палило, и вдруг такая темень. В нашем Городе между Облаками за весь год дай бог пара дождей пройдет, а тут льет и льет без конца. Чудеса да и только.

Су Цзюгуй задумчиво взгляделся в грозовые облака. На засушливом северо-западе, где стоял Город между Облаками, ливни были редким гостем. Нарушение извечного порядка вещей всегда предвещало беду. Су Цзюгуй невольно вспомнил день своего перерождения — тогда над городом тоже бушевала неистовая гроза, которая внезапно утихла, стоило ему выйти за порог Мастерской Цицяо.

Тогда Сяобай задорно рассмеялся и сказал: «Брат, а тебе везет!»

Су Цзюгуй подозревал, что Чжубай во время низвержения сбросил в мир смертных какую-то часть себя. Но эта отсеченная часть явно жила собственной жизнью. Будь Сяобай и Чжубай единым разумом, дракон непременно узнал бы Учителя еще там, в Канцелярии Трех Иней. И первой его реакцией стало бы желание немедленно оборвать его жизнь.

Голос разума твердил, что Сяобая нужно немедленно прогнать из дома Вэней. Избавиться от опасной обузы, пока не поздно.

Вокруг засуетились прохожие. Люди торопливо бежали по улицам, укрывая головы широкими рукавами и сетуя на капризную погоду. Все спешили спрятаться от первых тяжелых капель.

И все же Су Цзюгуй протянул руку. Его ладонь была бледной, почти прозрачной, с отчетливо проступающими тонкими синеватыми венами. Сяобай робко шагнул навстречу и приник к ней лбом. В этом жесте сквозила беззащитная, чистая привязанность дикого зверька к своему спасителю.

— Брат, — негромко позвал он.

Не «Учитель», а именно «брат». Сяобаю хотелось видеть в нем старшего брата — ведь именно так он обращался к нему, когда они только встретились на улицах Города между Облаками.

Су Цзюгуй мягко погладил мальчика по растрепанным волосам. Тот был еще слишком глуп, наивен и чист душой.

— Пойдем домой, — мягко произнес Су Цзюгуй. — Скоро хлынет ливень.

Сяобай изумленно моргнул, его ясные глаза подернулись влагой. Он не ожидал, что Учитель не станет ни о чем расспрашивать. Мальчик крепко вцепился в его ладонь и поспешно закивал:

— Да! Домой!

Небо еще долго висело над городом тяжелым свинцовым куполом. Лишь когда они переступили порог дома Вэней, где-то в вышине с сухим оглушительным треском разорвался первый раскат грома и на землю обрушились потоки воды.

Сяобай выглядел совершенно измученным. Уложив его спать, Су Цзюгуй вернулся к себе и сел на кровать, готовясь погрузиться в медитацию.

Однако сосредоточиться не получалось. Он прислушивался к яростным раскатам грома за окном. Небесный грохот казался неестественно мощным, будто кто-то из великих мастеров пытался пробиться на новую ступень бессмертия и навлекал на себя кару высших сфер.

Но в эпоху, когда смертным под страхом смерти запретили восхождение к бессмертию, некому было призывать на себя гнев небес. Оставалось лишь одно объяснение.

Чжубай.

Он был единственным уцелевшим драконом в поднебесном мире, чья воля могла повелевать грозowymi тучами и призывать небесный огонь.

Едва Су Цзюгуй собрался подняться, как заметил у порога смутный силуэт. На пороге, зябко кутаясь в одеяло, стоял Сяобай. На его мертвенно-бледном лице застыл испуг.

— Учитель... — еле слышно прошептал он.

При этом тихом обращении Су Цзюгуй невольно вздрогнул. Мальчик выглядел таким хрупким и беззащитным, прижимая к груди тяжелое ватное одеяло.

В детстве Чжубай был невероятно глупым и забавным малым. Он вечно носился по залам, волоча за собой тяжелый чешуйчатый хвост и совершенно не умея прятать маленькие драконьи рожки на макушке. Он рос ласковым, привязчивым и до безумия трусливым: боялся темноты, лесных духов, мелких букашек и грозы. Словом, пугался всего, от чего обычно падали в обморок изнеженные барышни. И при каждом раскате грома он со всех ног мчался в личные покои Су Цзюгуя, точно так же жалобно хныча: «Учитель...»

Сейчас лицо подростка казалось почти прозрачным — он не выглядел настолько истощенным даже после того, как тратил все свои силы на исцеление ран Су Цзюгуя.

— Мне страшно... — Сяобай сильнее сжал одеяло, уставившись на него умоляющим взглядом.

Когда проклятая печать заявляла о себе, тело мальчика пронзал невыносимый жар, а по меридианам диким потоком неслась чужеродная сила, буквально разрывая плоть изнутри. И в эти минуты безумной боли единственным спасением, о котором он мог помыслить, оставался Су Цзюгуй.

Су Цзюгуй на мгновение заколебался, но затем шагнул вперед и бережно прижал испуганного мальчика к себе.

— Не бойся, — тихо прошептал он, баюкая его в объятиях.

Город между Облаками, поместье Бай

Прежде в Городе между Облаками отродясь не слыхивали о благородном семействе Бай. Огромная усадьба выросла здесь лишь с появлением Истинного Владыки Небесного Дракона. Чжубай отличался редкой привередливостью и брезгливостью: он терпеть не мог чужих постелей и чужих домов.

Свое роскошное жилище он носил с собой, запечатанным в квадратную нефритовую печать-обитель с искусно вырезанным макетом зданий. Стоило в дальнем странствии пожелать отдыха, он выбирал подходящий пустырь, прижимал к земле артефакт, и тот, словно повинуюсь

легкому дуновению ветра, мгновенно разрастался в великолепную усадьбу с тремя внутренними двориками.

Старый слуга Чжан Ну неотступно следовал за хозяином, где бы тот ни бросил якорь. Они знали друг друга больше полувека — срок для смертного немалый, а для бессмертного ничтожный. За эти годы они сроднились и жили бок о бок, деля на двоих все невзгоды.

Глубокой ночью Чжан Ну подскочил на постели от оглушительного грохота небесных сфер — раскат грома был такой силы, что едва не лишил старика слуха. Впрочем, испуга он не почувствовал. Лишь тяжело вздохнул и с досадой пробормотал:

— Опять началось... Ну сколько можно?

Старик давно привык к подобным буйствам природы. Затеpliant тусклый фонарь, он отправился на поиски своего господина. Снаружи хлестал неистовый ливень; яростные порывы ветра нещадно трепали и без того кривую старую иву во дворе.

— Если наш многоуважаемый предок не уймется, завтра от города одни руины останутся, — ворчал старик под нос, бережно укрывая ладонью бумажный бок фонаря от косых струй дождя.

Распахнув дверь в покои Чжубая, Чжан Ну замер на пороге. Истинный Владыка Небесный Дракон неподвижно сидел в высоком кресле. В темноте его белоснежные одежды казались призрачным саваном. Очередная вспышка молнии на мгновение озарила комнату, резко разделив его лицо на две половины: одна светилась мертвенной белизной, другая тонула в густой непроглядной тени. Сходство с грозным владыкой подземного царства Янь-ваном было пугающим.

Стоило Чжубаю поддаться тревоге, как небо над головой немедленно отзывалось дождем. Тихая печаль проливалась унылой затяжной моросью, а ярость взрывалась неистовыми шквалами и грозами.

Дракон не проронил ни слова — все силы его уходили на борьбу с бушующей внутри бурей. Убедившись, что вошел верный слуга, он лишь молча прикрыл глаза, и его густые ресницы отбросили на бледные щеки глубокие тени. Но стоило Чжан Ну сделать шаг ближе, как сердце у него ушло в пятки.

На бледной, шелковистой коже дракона проступала зловещая угольно-черная чешуя. Крупные чешуйки размером с ноготь, выползая из-под ворота одеяния, медленно поднимались по шее к скулам, уродливым клеймом выделяясь на безупречном, точно резной белый нефрит, лице.

Рука господина, бессильно лежащая на столе, слабо мерцала алым светом. Это была сдерживающая печать, наложенная некогда Лу Юньцзи. Присмотревшись, можно было различить проступающие на коже багровые иероглифы — строчка за строчкой, кропотливо выведенный рукою наставника Истинный Канон Великого Единения.

Иероглифы стягивали предплечье, точно кровавые бинты, уходя от запястья вверх и скрываясь под широким шелковым рукавом. Ходили слухи, что эта вязь покрывает все тело дракона вплоть до лопаток.

Чжан Ну повидал немало приступов своего господина и думал, что дело ограничится привычной болью от пробуждения печати. Однако, заметив среди роскошных серебряных волос господина несколько глухих угольно-черных прядей, старик похолодел от ужаса.

Обычные смертные страшатся седины, а Чжан Ну до смерти боялся увидеть в волосах дракона черноту. Рожденный в зловещих глубинах Поглощающей Бездны, Чжубай нес в себе первородную демоническую кровь — куда более чистую и древнюю, чем у нынешнего Владыки демонов.

Пока Чжубай оставался прилежным учеником, Лу Юньцзи щедро тратил собственные духовные силы, чтобы сдерживать темную сущность воспитанника, оберегал его и не давал познать лишений. Но после того как дракона с позором изгнали, сдерживать первородный хаос внутри него осталась лишь мертвая буквенная вязь. И хотя заклятие Лу Юньцзи по-прежнему сковывало большую часть темной энергии, оно не могло заменить живого присутствия мастера. Запертая внутри демоническая мощь искала выход, изо дня в день терзая и выжигая плоть собственного носителя.

Окончательное падение во тьму оставалось лишь вопросом времени. Обитатели демонического царства с нетерпением ждали этого часа, надеясь, что темный дракон возглавит их поход на мир смертных. Даже среди столичной знати находились заговорщики, лелеявшие мечту о воцарении могущественного ящера. Полноценный повелитель Бездны подходил на роль хозяина Поднебесной куда больше, чем нынешний немощный император на золотом троне.

Самого Чжубая это мало заботило. Тьма так тьма — грань между священным золотым драконом и порождением бездны всегда была тоньше волоска. Однако наложенная Учителем печать оказалась слишком прочной. Она не позволяла ему окончательно сорваться в бездну греха, обрекая на вечные муки в чистилище: он застрял где-то посередине, не способный стать ни праведным божеством, ни великим владыкой демонов.

Лишь смерть создателя могла разрушить эти оковы. И когда Лу Юньцзи якобы сгинул под карающим пламенем небесного суда на Террасе Казни Бессмертных, а оковы на запястьях Чжубая даже не ослабли, дракон сразу понял: Учитель жив.

И от этой мысли в нем просыпалась жажда крови.

Чжан Ну осторожно отступил на шаг. Праздные зеваки знали Истинного Владыку как капризного и изнеженного вельможу, бережно хранящего манеры благородного мужа, которым его когда-то обучил великий Лу Юньцзи. Но старому слуге доводилось видеть дракона в истинном облики. Безжалостный, безумный зверь, чье одно лишь присутствие обрушивалось на плечи такой тяжестью, что колени сами подгибались от ужаса.

Потеряй он контроль сегодня, старик вряд ли дожил бы до рассвета. Близость к такому владыке опаснее соседства со спящим тигром.

— Ваше... Ваше Высочество, вам легче? — с трудом выдавил он, силясь унять дрожь в голосе.

Дракон резко распахнул глаза. Они были бездонно-черными, лишенными белков; из самых глубин глазниц струилась истая темная дымка. В этом нечеловеческом взгляде не осталось ничего живого. Белоснежный шелк одежд, черная прядь, упавшая на лицо, наползающая на щеку угольная чешуя и багровое зарево пульсирующих на запястьях иероглифов — он походил на жуткую картину, написанную тушью и кровью. Рожденный во тьме монстр во всей своей красе.

Истинное дитя Бездны, безжалостное и пугающе прекрасное.

В день его появления на свет древний астролябический диск на Горе Великой Чистоты раскололся надвое. До этого Лу Юньцзи веками охранял врата Бездны, но никогда прежде не приводил оттуда ни одного живого существа.

Подземелья Бездны сковывали бесчисленные уровни древнейших заклятий, и появление маленького дракона повергло старейшин в смятение. Согласно преданиям, в тех мертвых глубинах не могло уцелеть ничто живое. Чжубая сочли вестником грядущих бедствий, проклятым отродьем, и никто из великих мастеров не пожелал взять его под свою опеку.

Никто, кроме Лу Юньцзи.

Дракон не ответил слуге. Он тяжело, хрипло дышал, содрогаясь от невыносимого жара — древние письмена жгли тело каленым железом. Начертанные рукой Учителя в пору его наивысшего могущества, они намертво впились в плоть.

Пока в мире теплилась хотя бы единая крупица души Лу Юньцзи, эти невидимые цепи продолжали держать его мертвой хваткой. Проклятое клеймо въелось в самую его суть. Сколько бы веков ни утекло, ему не суждено избавиться от этого позорного знака. До конца своих дней он останется лишь безвольной собакой на поводке у великого мастера. И это осознание сводило его с ума.

Он сделал глубокий, прерывистый вдох. В такт его дыханию багровые знаки на руках то разгорались, то затухали, пока наконец не угасли вовсе, оставив лишь слабое розоватое свечение под кожей. Чжубай медленно разжал сведенные судорогой пальцы.

Чжан Ну облегченно перевел дух, понимая, что приступ миновал. В моменты пробуждения печати его господин становился совершенно неузнаваем. Старик торопливо поднес ему чашу горячего чая, в котором предварительно растворил бесценную Пиллюлю Пурпурного Облака, способную утихомирить бушующую в меридианах энергию.

Чжубай давно примкнул к демонам, и старейшины темного клана из кожи вон лезли, пытаясь избавить его от наставнических уз. Сильнейшие колдуны и чернокнижники бились над этой загадкой, но все их попытки разорвать проклятую вязь оканчивались прахом.

В конце концов они оставили тщетные попытки и принялись снабжать дракона редчайшими лекарствами, чтобы хоть как-то облегчить его страдания. Обычным заклинателям одна Пилюля Пурпурного Облака обходилась в целое состояние, а в кладовых усадьбы Бай они хранились целыми сундуками. Впрочем, выбора у изгнанника все равно не оставалось — после предательства собратьев дорога на Гору Великой Чистоты была заказана навек.

Дракон осушил чашу одним глотком.

— Ваше Высочество, вам привиделся дурной сон? — осторожно поинтересовался слуга.

С чего бы господину так внезапно терять власть над собой?

Лицо Чжубая потемнело еще сильнее.

— Не мне, — сквозь зубы процедил он. — Ему.

Старик едва не прикусил язык от испуга. За последние годы с его господином творилось немало странных вещей, и Чжан Ну успел кое-что подметить.

Приступ начался не из-за самого Чжубая. Всему виной был его отсеченный хвост — Сяобай.

Тот несчастный осколок души, лишенный разума и памяти, совершенно не умел сдерживать чувства. Стоило мальчишке поддаться страху или ярости, как печать немедленно отзывалась яростной вспышкой боли, терзающей обоих. Они оставались неразрывно связанными невидимой нитью, разделяя любые муки поровну. Чжан Ну до конца не понимал природы этой таинственной связи, а потому предпочел промолчать.

Немного переведя дух, Чжубай глухо спросил:

— От Лу Юньци по-прежнему никаких вестей?

Мальчишка, бродящий среди смертных, никого не знал в этом мире. Единственным, к кому он мог интуитивно потянуться, был его создатель и мучитель — Лу Юньци.

— Никаких, господин, — покачал головой Чжан Ну. — Но господин Цзи Юаньчу и главный посланник Мо Линь перевернули весь город вверх дном. Они непременно его отыщут.

Цзи Юаньчу и Мо Линь прочно обосновались в Городе между Облаками. Даже если Лу Юньцзи ухитрился сохранить крупницы прежнего могущества после перерождения, ускользнуть от этих двоих ему не под силу.

— Эти двое? — Чжубай издал короткий презрительный смешок, от которого у Чжан Ну мороз по коже продрал. — Я им не верю.

Очевидно же, что Цзи Юаньчу ведет свою игру. Этот хитрый лис наверняка давно напал на след Лу Юньцзи, но упорно помалкивает. В детстве Чжубай не раз видел его в гостях у наставника — в те далекие времена Цзи Юаньчу и Лу Юньцзи связывала искренняя, проверенная годами дружба.

Глупцы могли верить в басни о предательстве Цзи Юаньчу, но дракон прекрасно знал: помыслы этого вечно пьяного и несносного бродяги с Горы Вечной Юности скрыты под глубокой маской. Цзи Юаньчу скорее сам подставится под удар, чем поднимет руку на Лу Юньцзи.

А значит, ему придется взять все в свои руки. Он должен лично разыскать Учителя.

<http://bllate.org/book/18298/1755138>